
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ

УДК 902.01

ПОДКОВООБРАЗНЫЕ ФИБУЛЫ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ I тыс. н.э.

М. А. Бакушев

ООО «Археологическое общество Кубани»

Подковообразные фибулы, появившись на Северо-Восточном Кавказе в первых веках н.э., в первой половине I тыс. н.э. получили широкое распространение и стали неотъемлемой деталью местного костюма. В статье автор на основе анализа некоторых погребений уточняет термины, связанные с рассматриваемыми предметами, приводит типологию подковообразных фибул и их хронологию, делает попытку реконструкции некоторых деталей костюма, проводит анализ орнаментальных мотивов, на основании чего делается вывод об их утилитарной, религиозно-идеологической и эстетической функции.

Horseshoe-shaped fibulae having appeared in the Northeast Caucasus in the first centuries AD have extended greatly and become the integral detail of the Northeast Caucasus costumes in the first half of the I mil. AD. In the article the author on the basis of the analysis of some burial places specifies some terms concerning the subjects under investigation, develops typology of the horseshoe-shaped fibulae and their chronology. The author attempts to reconstruct some details of the costume, makes the analysis of ornamental motives and the conclusion about their utilitarian, religious and esthetic functions.

Ключевые слова: Северо-Восточный Кавказ; подковообразные фибулы; сьюльгамы; религиозно-идеологические представления; типология.

Keywords: Northeast Caucasus; horseshoe-shaped fibulae; sulgam; religious conviction; typology.

В начале нашей эры на Северо-Восточном Кавказе стали появляться застёжки, резко отличающиеся от классических застёжек-фибул как по внешнему виду, так и по принципу действия. Они представляют собой кольца из проволоки или тонкого прута различного диаметра с незамкнутыми концами, которые обычно спирально закручивались либо орнаментировались. Они изготавливались из бронзы и железа, имели округлое сечение; в единичных случаях кольцо застёжки было уплощено. Игла крепилась к кольцу и была подвижной.

В кавказской археологической литературе данные застёжки именуется «пряжками» и «пряжками-сьюльгами» [1]. В статье М.М. Маммаева рассматриваемые застёжки определяются как «поясные пряжки» [2]. На наш взгляд, терминологическое определение рассматриваемых предметов как «пряжки», «пряжки-сьюльгамы», «поясные пряжки» не совсем верно. Для установления практического использования описываемых застёжек на Северо-Восточном Кавказе, на основании чего можно было бы уточнить их наименование, следует обратить внимание на места их находок в конкретных погребениях, где их положение было точно зафиксировано. Всего таких погребений насчитывается шесть, и все они представляют захоронения в вытянутом на спине положении, но с различной ориентировкой – четыре погребения направлены головами на В, ЮВВ, ЮВ, два погребения – на ЮЗ (рис. 1).

В погр. 70 Карабудахкентского I могильника (рис. 1, 1) застёжка находилась в нижней части левой стороны грудной клетки [3]. В том же месте на костяке была найдена застёжка и в погребении кургана № 176 Паласа-сыртского

курганного могильника*. В женских погребениях 2 и 3 Дербентского II могильника (рис. 1, 2, 3) застёжки с орнаментированными зооморфными концами были найдены лежащими на правой стороне скелета в верхней части ребер, ближе к правому плечу. В погребении кургана 36 Львовского первого – 4 могильника (рис. 1, 6) две застёжки располагались у основания двух плечевых костей, у ключиц погребенного. В погребении 25 (рис. 1, 4) курганного могильника Львовский первый – 2 застёжка располагалась под костями ключицы на левой стороне грудной клетки. В погребении 41 (рис. 1, 5) того же могильника застёжка находилась у костей нижней челюсти справа от костяка. В каменных ящиках Галайтинского – 2 могильника застёжки были найдены у черепа костяка (погр. 31(13)) и у колена (погр. 7(15)) [4]. Однако на данном могильнике представлен обряд подзахоронения в каменные ящики, и говорить о том, что застёжки принадлежат последнему погребенному, чей скелет сохранился *in situ*, с уверенностью невозможно.

* Приносим благодарность с.н.с. Института археологии РАН В.Ю. Малашеву за предоставленную информацию и разрешение опубликовать найденные на Паласа-сартском могильнике застёжки.

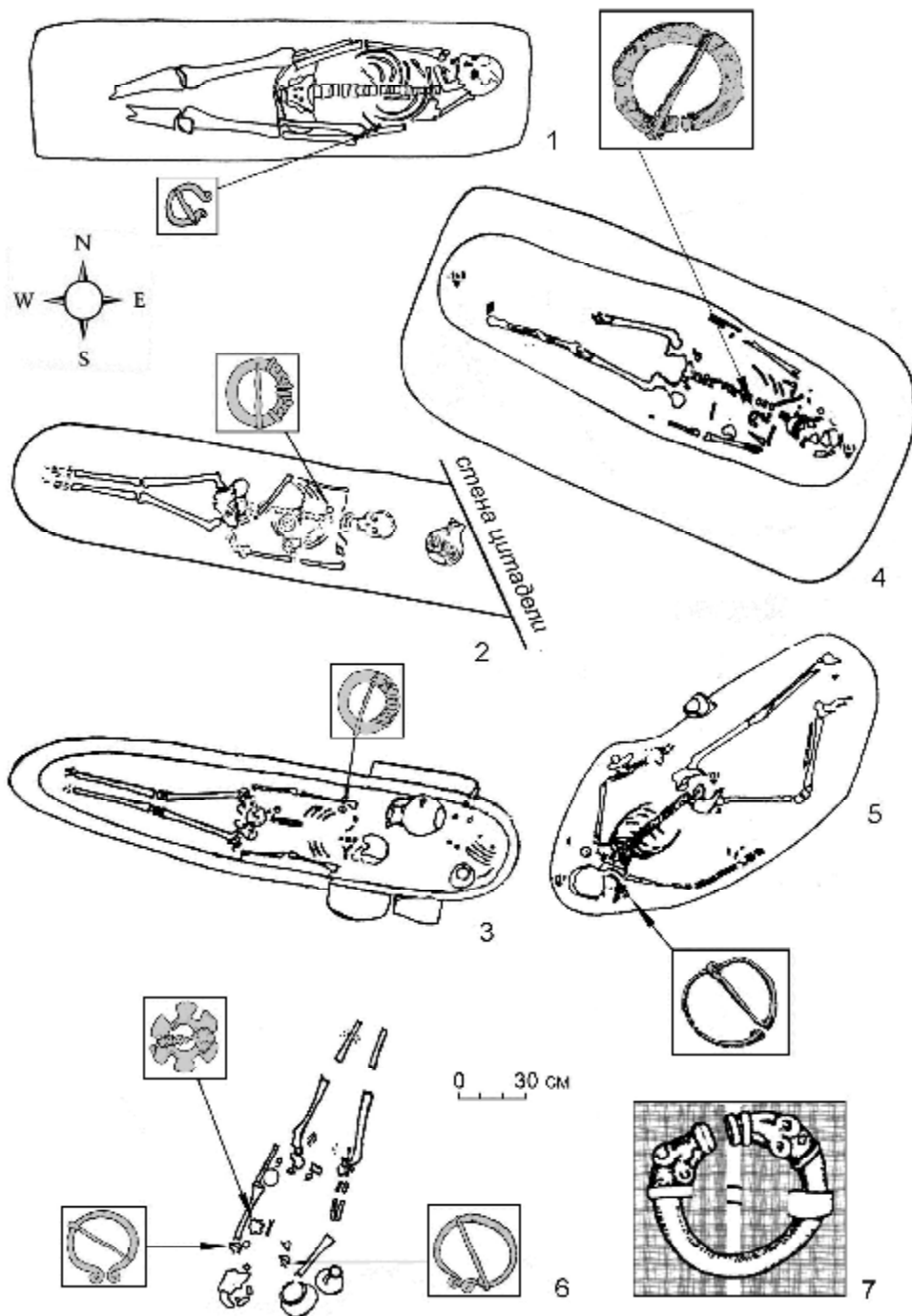

Рис. 1. Расположение фибул различных типов в погребениях: 1 – погр. 70 Карабудахкентского I мог. (по Смирнову К.Ф., 1952); 2, 3 – погр. 3, 2 Дербентского II мог. (по Кудрявцеву А.А., Гаджиеву М.С., 1991); 4 – кург. 25 Львовского первого – 2 мог. (по Абрамовой М.П. и др., 2000); 5 – кург. 41. Львовского первого – 2 мог. (по Абрамовой М.П. и др., 2000); 6 – кург. 36 Львовского первого – 4 мог. (по Абрамовой М.П. и др., 2001); 7 – способ крепления подковообразной фибулы

Надо отметить, что большинство застёжек были найдены закрытыми, застегнутыми, то есть иглы располагались поперек или под определенным углом к центральной оси предмета, проходящей между разомкнутыми концами. Это может указывать на то, что в могилу они были помещены прикрепленными к одежде покойного. Исключение составляют застёжки, происходящие из двух погребений Урцекского некрополя (склеп № 3, погр. 5, 7), которые имели иглу,

расположенную по оси предмета, то есть они были, вероятно, незастегнутыми в момент помещения в могилу [5].

Таким образом, расположение застёжек, найденных достоверно в первоначальном положении, не позволяет интерпретировать их как пряжки, то есть как предметы ременной (поясной) гарнитуры. Расположение их преимущественно в верхней части тела, в районе грудной клетки и костей ключиц, напротив, может говорить об использовании их в качестве фибул, брошей. На это же указывают и другие данные: иглы большинства описываемых застёжек острые на концах, что необязательно для язычков пряжек; разрыв в кольце застёжки делает предмет менее устойчивым к деформации, в отличие от цельной рамки пряжки.

Подобные предметы, найденные среди древностей финно-угорских и восточнославянских племён раннесредневекового времени, однозначно интерпретируются как застёжки-фибулы и имеют наименование «подковообразные застёжки» [6], или «подковообразные фибулы-застёжки»; для обозначения аналогичных застёжек, найденных, например, в могильниках Средней Оки, используются термины «скульгамы» или «кольцевидные застёжки» [7].

Термин «подковообразные фибулы» используется преимущественно для обозначения этих предметов в древностях раннесредневековой Руси и Поволжья. Сходство и даже определенная идентичность рассматриваемых застёжек Северо-Восточного Кавказа первой половины I тыс. н.э. с подковообразными фибулами, на наш взгляд, позволяет правомерно использовать этот термин и для обозначения рассматриваемых северокавказских застёжек. При этом термин «подковообразные фибулы» считаем более соответствующим их реальному назначению, нежели «пряжки» или «пряжки-скульгамы»; также менее точными кажутся термины «скульгамы» и «кольцевидные застёжки», так как скульгама в основном является декоративно-смысловым украшением и может не нести сопутствующую функцию броши, в то время как фибула в первую очередь имеет утилитарную функцию, являясь предметом для соединения тканей, а функция украшения выступает второстепенной. Термин же «кольцевидные застёжки» традиционно используется для обозначения другого вида застёжек с кольцевой, замкнутой рамкой [8].

Подковообразные фибулы Северо-Восточного Кавказа подразделяются на три типа.

Тип 1 – подковообразные фибулы с закрученными концами. Они имеют диаметр от 1.6 до 7 см при диаметре проволоки-прута от 3 до 8 мм. Материалом для изготовления служили бронза и железо, при этом наибольший диаметр сечения имели железные фибулы, что объясняется меньшей пластичностью железа по сравнению с бронзой. Фибулы первого типа можно разделить на несколько подтипов по различным вариантам оформления (закручивания) их концов.

Подтип 1 – подковообразные фибулы с закрученными в один оборот концами (рис. 2, 1–8, 11–17, 19, 20, 25–29, 33, 40, 44, 55). Закрученные и иногда расплюснутые концы образуют небольшое кольцо. Фибулы этого подтипа изготавливались как из бронзы, так и из железа.

Подтип 2 – подковообразные фибулы со спирально закрученными, иногда расплюснутыми концами (рис. 2, 9, 10, 18, 24, 34–39, 41–43, 45–54). Как представляется, основной функцией спиралей была орнаментальная.

Подтип 3 – подковообразные фибулы, концы которых расплюснуты и закручены в один оборот, образуя кольца, выступающие за лицевую плоскость фибулы (рис. 2, 21–23). Форма этих фибул наиболее близка к формам раннесредневековых образцов из Восточной Европы, и они в полной мере могут именоваться «подковообразными фибулами». Помещение их в общую массу фибул, найденных на Северо-Восточном Кавказе, возможно с большой долей условности, так как Львовские курганные могильники, где они были найдены, расположены вне пределов рассматриваемой географической зоны, хотя и максимально близки к ней. В этой связи надо признать, что собственно на Северо-Восточном Кавказе известны два подтипа первого типа подковообразных фибул.

Тип 2 – подковообразные фибулы с зооморфными концами (рис. 2, 56–73). Фибулы этого типа изготавливались методом литья. Это обстоятельство, как и оформление концов, резко отличает их от фибул типа 1, которые изготавливались

из готовой проволоки или прутика путем кузнечной обработки. Все фибулы типа 2 – бронзовые.

Тип 3 – представлен одной подковообразной фибулой, найденной среди материалов разрушенной гробницы Цархи-гоцинского могильника (рис. 2, 74) [9]. Фибула имеет орнаментацию, имитирующую структуру веревки, шнура или косички. На концах фибулы расположены грибовидные полусферические окончания. От иглы сохранилось лишь основание, однако по нему можно судить о том, что игла была довольно тонкая, около 1.2 мм в диаметре.

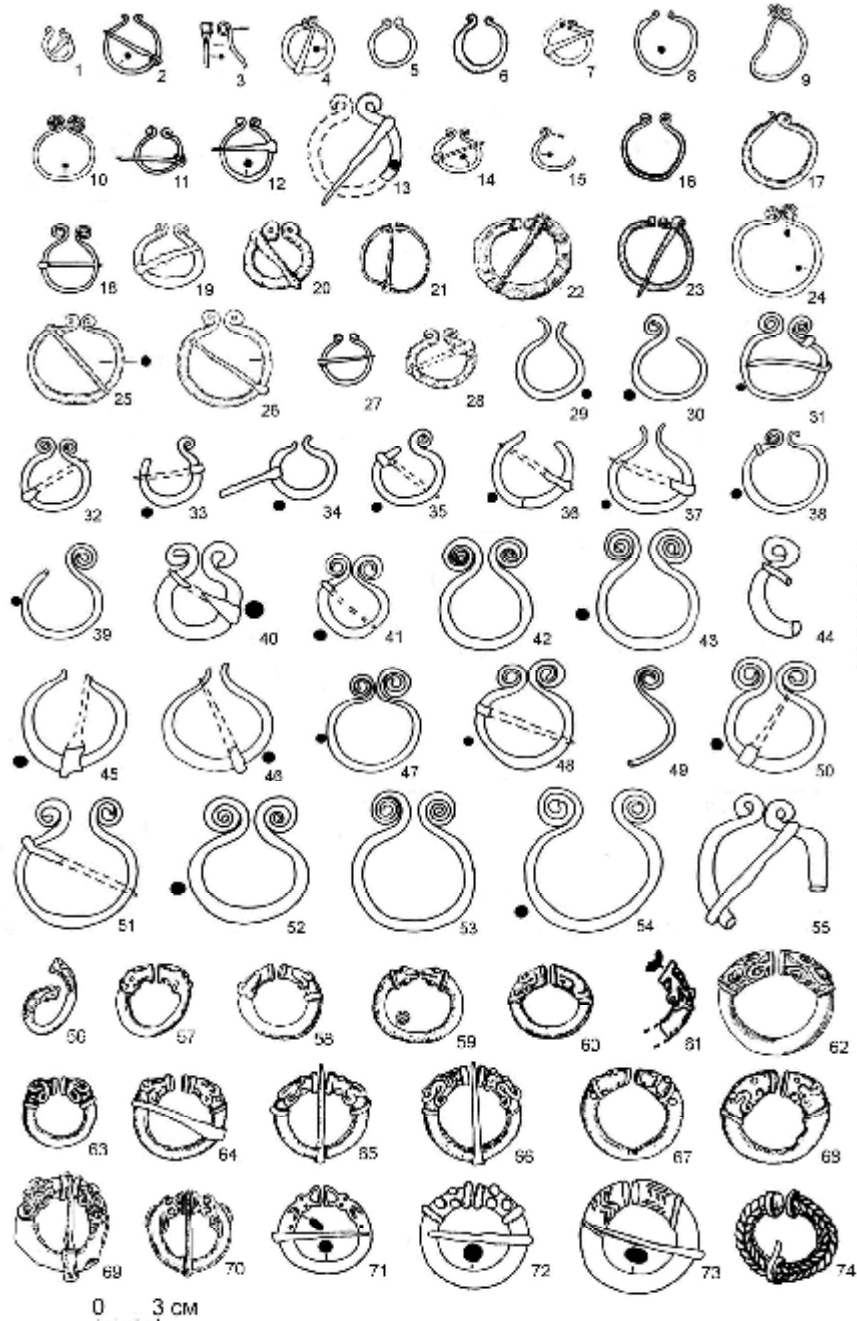

Рис. 2. Фибулы первого (1-55), второго (56-73) и третьего (74) типов. 1, 2, 6, 7 – Карабудахкентский I мог. (по Смирнову К.Ф., 1961); 3, 4, 14, 15 – Дербент (по Гаджиеву М.С., 2002); 5, 62 – мог. Вештерек; 8 – городище Урцеки (по Котовичу В.Г. и др., 1962); 9 – Новолакский склеп (по Пикуль М.И., 1967); 10 – случайная находка у сел. Алмак (по Давудову Ш.О., 2006); 11-13 – Галайтинский – 2 мог. (по Багаеву М.Х., 2008); 16, 17, 20, 56, 63-68 – некрополь Урцеки (по Котовичу В.Г. и др., 1963); 18 – Дюбекский мог. (по

Гаджиеву М.С., 1986); 19 – Карабудахкентский III мог. (по Смирнову К.Ф., 1961); 21, 22, 69 – Львовский первый – 2 мог. (к. 41, к. 25) (по Абрамовой М.П. и др., 2000); 23 – Львовский шестой мог. (по Абрамовой М.П. и др., 2004); 24 – Андреяульский мог. (по Магомедову М.Г., 1983); 25, 26 – Львовский первый – 4 мог. (к. 36) (по Абрамовой М.П. и др. 2001); 27, 28 – мог. Паласа-сырт (рис. В.Ю. Малашева) 29–55 – Большой Буйнакский курган (по Абрамовой М.П., 1980); 57 – Калкнинский мог. (по Салихову Б.М., 1985); 58 – Карабудахкентский IV мог. (по Федорову Г.С., 1973); 59 – сел. Анчих (случайная) (по Магомедову Р.Г., 1985); 60 – Цыйшинский мог. (по Котовичу В.Г., Маммаеву М.М., 1971); 61 – Сумбатлинский мог. (по Давудову О.М., 1996); 15 – Вотлихский мог.; 71–73 – Дербентский II мог. (по Кудрявцеву А.А. и Гаджиеву М.С., 1991); 74 – мог. Цархи-гоцо (по Давудову О.М., 1996)

Хронология рассматриваемого вида фибул для Северо-Восточного Кавказа не разработана. Они датируются по хронологии отдельных исследованных погребений или могильников в целом.

Наиболее ранние фибулы, относящиеся, судя по дате могильников, к I–II вв. н.э., немногочисленны. Они найдены на Карабудахкентском I могильнике, в Новолакском склепе, в разрушенном погребении могильника Цархи-гоцо (все – Дагестан) и на могильнике Джанахар (Северо-Восточный Азербайджан).

На Карабудахкентском I могильнике единственная подковообразная фибула типа 1 была найдена в слое могильника (рис. 2, 6), и не исключено, что она может относиться к более позднему времени. Этого же типа фибула происходит и из погребения могильника Джанахар, где она была обнаружена вместе с кувшином с высоким сливом и зеркалом с боковой петлей, что позволяет причислить ее к ранней группе.

Ко II н.э. может относиться фибула типа 1 подтипа 2, найденная в Новолакском склепе (рис. 2, 9). Она датируется по хронологии склепа, при этом она аналогична фибулам из Андреяульского могильника, относящимся в целом ко II–IV вв. н.э. (рис. 2, 24).

В ранней группе наиболее примечательной является подковообразная фибула типа 3, найденная в разрушенном погребении на Цархи-гоцинском могильнике (рис. 2, 74). Датировка фибулы, а также всего разрушенного погребения второй половиной I в н.э. основывается на находке здесь же фибулы типа «Алезия» [10]. Цархи-гоцинская фибула уникальна и представляет собой отдельный тип подковообразных фибул. Аналоги ее нам не известны, однако подобные ранние железные фибулы, изготовленные из витого стержня, были найдены на городищах Соколовая гора и Троицкое [11]. Они датируются более ранним временем – III–II вв. до н.э. Важность находки фибул типа «Алезия» и подковообразной фибулы в одном погребении заключается в возможности наметить нижнюю дату перехода к новому типу фибул, которая, возможно, приходится на вторую половину I в. н.э. – начало II в. н.э.

Основная масса фибул типов 1 и 2 хронологически укладывается в рамки конца II в. н.э. – начала IV в. н.э. Очевидно, что в этот период подковообразные фибулы получили свое максимальное распространение при существовании в то же время классических лучковых и арбалетных фибул. Можно полагать, что появление подковообразных фибул типа 1 связано и с какими-то изменениями, новациями в костюме местного населения.

Интерес представляют некоторые подковообразные фибулы типа 1 подтипа 2 из Большого Буйнакского кургана, которые были изготовлены из железа и имели железный язычок (рис. 2, 40, 44, 55) [12]. По данным М.П. Абрамовой, они аналогичны фибулам («пряжкам-скльгамам»), найденным в некоторых погребениях у сарматов Поволжья (Калиновский курганный могильник [13]), в Частых курганах под Воронежем, на Каменном городище. Все указанные памятники датируются последними веками до н.э. М.П. Абрамова отмечала, что буйнакские фибулы являются наиболее поздними из железных фибул европейской части СССР [14].

Интересны и фибулы, происходящие из погребений курганов 25 и 41 Львовского первого – 2 могильника (рис. 2, 21, 22), и из погребения кургана 17 Львовского шестого могильника (рис. 2, 23), датируемых II–IV вв. н.э. Эти подковообразные фибулы типа 1 из могильников, расположенных в низовьях

левобережья Сулака, выделяются в отдельный подтип 3. По своей форме они весьма близки некоторым типам фибул Тарасовского могильника I–V вв. на Средней Каме [15], Никитинского могильника III–VII вв. на Средней Оке [16], а также более поздним фибулам финно-угорских и балтийских народов IX–XI вв. [17].

По мнению В.И. Вихляева, этот тип фибул – с невыступающими за ширину кольца завернутыми концами – появляется в могильниках селиксенского типа, датируемых III–IV вв. н.э., и широкое распространение получает уже в IV–V вв. н.э. [18]. В этом случае надо признать, что подковообразные фибулы из Львовских могильников II–IV вв. н.э. являются одними их ранних фибул этого типа. При этом отметим, что эта относительно поздняя для Северо-Восточного Кавказа форма подковообразных фибул не повлияла на традиционные кавказские.

В хронологическом диапазоне II–IV вв. н.э. находятся также все подковообразные фибулы с зооморфными концами, за исключением фибулы из Ботлихского I могильника (по датировке Д.М. Атаева). Примечателен тот факт, что фибулы первого и второго типа на протяжении, по крайней мере, III–IV вв. сосуществовали, о чем свидетельствуют их совместные находки в погребениях (например, в склепе № 3 Урцекского могильника) [19]. Ботлихский I могильник, из которого происходит одна из фибул с зооморфными концами (рис. 2, 70), датируется автором раскопок VIII–X вв. н.э. [20], при этом некоторые кувшины (при отсутствии непо потревоженных комплексов) Д.М. Атаев относит к VI–VII вв. н.э. Описываемая фибула была найдена вместе со схожей с ней подковообразной фибулой (к сожалению, не опубликованной) и пряжкой с треугольной рамкой, которая относится к VIII–X вв. н.э. Несомненно, что эти предметы находились в перемещенном состоянии. На это указывает их взаиморасположение (в одной куче) и отсутствие четкой привязки к конкретному погребению. Если все найденные предметы синхронны, то надо признать, что в горных районах фибулы с зооморфными концами сохраняются до VIII в. н.э.; в случае же, если описываемая фибула случайна в вещественном комплексе Ботлихского I могильника, то ее следует отнести к III – началу IV в. н.э. по аналогии с идентичной фибулой хорошо датированного Дербентского II могильника.

К позднему времени, к первой половине V – началу VI в. н.э., относятся подковообразные фибулы, найденные в погребениях Большого Буйнакского кургана и в двух погребениях Паласа-сыртского курганного могильника. Это фибулы типа 1 подтипов 1 и 2 (рис. 2, 27–39, 41–43, 45–54). Фибулы имеют аналогии среди случайных находок у сел. Алмак [21], в Новолакском склепе [22] и в гробнице 1 Андрейаульского могильника [23]. Это обстоятельство позволяет говорить о сохранении традиции использования подковообразных фибул населением, оставившим Паласа-сыртский курганный могильник, до середины V в. н.э. и погребения Большого Буйнакского кургана – до начала VI в. н.э.

Анализ местоположения подковообразных фибул в погребениях позволяет в общих чертах реконструировать детали погребального облачения. Так, в двух погребениях Дербентского могильника, принадлежащих взрослым женщинам (рис. 1, 2, 3), местоположение фибул типа 2 было идентично: в верхней части правой стороны грудной клетки. В том же положении, но на левой стороне грудной клетки фибула этого же типа найдена в женском погребении в кургане 25 Львовского первого – 2 могильника (рис. 1, 4). Это зеркальное расположение львовской фибулы по отношению к дербентским кажется несущественным, и в результате можно сделать вывод об определенном сходстве одежды (или ее принадлежности) у погребенных, учитывая и то обстоятельство, что оба могильника практически синхронны. Возможно, что они скрепляли накидку (платок ?) с широким запахом. В женском погребении кургана 36 Львовского первого – 4 могильника фибулы типа 1 подтипа 1 располагались на обеих сторонах грудной клетки (рис. 1, 6). Хотя встречаются и погребения с одной фибулой такого типа (рис. 1, 1, 5).

Можно предположить, что фибулы с зооморфными концами (тип 2) носились как парадные, по одной и выполняли сопутствующую функцию брошей, в то время как фибулы с закрученными концами (тип 1), не выделявшиеся декоративным убранством, могли являться повседневными застежками. В этом контексте находки

фибул типа 2 в могилах, возможно, демонстрируют торжественность погребального обряда, самого факта перехода в иной мир у представителей некоторых племен Северо-Восточного Кавказа.

Касаясь вопроса генезиса подковообразных фибул на Северо-Восточном Кавказе, надо отметить, что появление фибул в I-II вв. н.э. и их массовое распространение во III-IV вв. н.э. пока невозможно определенно связать с сармато-аланскими племенами, у которых в небольшом количестве эти фибулы были известны уже в последних веках до н.э. на территории Поволжья, так как на сарматских памятниках Северо-Восточного Кавказа такие фибулы были найдены в единичных экземплярах (в Львовских курганных могильниках II-IV вв. н.э.). Кроме того, по форме они несколько отличаются от местных фибул и относятся к более позднему времени. Возможно, что изначально подковообразные фибулы являлись торговым причерноморским импортом на Северо-Восточный Кавказ. Подтверждением этому может являться ранняя подковообразная фибула из могильника Цархи-гоцо (рис. 2, 74) несвойственной для Северо-Восточного Кавказа формы. Они могли доставляться сюда наряду с керамическими канфарами, пиксидами, римскими провинциальными фибулами и другими предметами, найденными на рассматриваемой территории [24]. Вместе с этими фибулами сюда была принесена сама идея застежек этого вида, в дальнейшем скопированная и адаптированная под местные декоративно-орнаментальные традиции. Впоследствии, в конце II в. н.э., а скорее всего в III в. н.э., появились подковообразные фибулы типа 2 - с зооморфными концами, являющиеся продукцией местных мастеров, на что в статье, посвященной этому типу фибул («пряжкам с зооморфными концами»), указывал М.М. Маммаев [25]. Основная масса фибул типа 2 была найдена в предгорных районах с несомненным преобладанием в районе городища Урцеки. Возможно, что здесь находился один из очагов зарождения этой типологической традиции на Северо-Восточном Кавказе.

Для изделий из Урцекского могильника М.М. Маммаев дал следующее описание декоративных элементов: «изображения... переданы при помощи выпуклых Л- и В-образных фигур в сочетании с выпуклыми же шишечками.» [26]. Сочетания фигур и шишечек известны в различных вариациях и не повторяются. Аналогичные изображения имеются на фибулах, найденных в Карабудахкентском IV (рис. 2, 58), Цыйшинском (рис. 2, 60), Сумбатлинском (рис. 2, 61) и Львовском первом - 2 могильниках (рис. 2, 69). Помимо описанных декоративных элементов на подковообразных фибулах типа 2 имеются и другие: выпуклые точки без фигур (Урцекский и Дербентский II могильники), насечки «елочкой» (Дербентский II могильник), «глазки» (могильник Бештерек), насечки с точками (Урцекский могильник), изображения головы ушастого животного (Вотлихский I и Дербентский II могильники).

Можно предположить, что Л- и В-образные фигуры, которые можно воспринимать и как омеговидные и М-образные букрании, условно обозначают рога животного, в то время как точки изображают его глаза. В таком случае перед нами ряд изображений животного с закрученными рогами - предположительно барана, выступавшего охранительным символом, с одной стороны, и с другой - символом благополучия [27]. Охранительной функцией обладали, очевидно, фибулы с более реалистично показанными головками животных, а также фибулы с точками, изображающими глаза и, собственно, фибулы с глазками. Они, так же как и глазчатые бусы, возможно, предназначались для отведения сглаза от носящего такие застежки. Этим объясняется и их видное положение в костюме - предмет должен был предупредить даже само желание произвести сглаз. П.М. Дебиров условно обозначал Л- и В-образные завитки как символ «Великой богини жизни» (матери природы) [28]; этот же символ он видел и в форме подковообразных фибул типа 1, которая очень схожа с фигурами, изображенными на концах некоторых фибул типа 2 (рис. 2, 58, 66, 69).

Подводя итог, надо отметить, что орнамент на подковообразных фибулах типа 2 выполнял три важнейшие функции. Первая из них - художественно-эстетическая: богато орнаментированные фибулы смотрелись эффектно, подчеркивая социальный статус владельца или торжественность момента ношения. Вторая - утилитарно-практическая: выпуклый орнамент не позволял высколотить фибуле из-под кончика иглы, создавая некоторое препятствие. Третья функция данных фибул -

религиозно-идеологическая – очевидно, заключалась, по мысли верующих, в охране от злых чар и привлечения благополучия, достатка. Для достижения этой функции оберега на фибулах условно изображались головки животных или их условные символы, способные своим присутствием повлиять на злые или добрые силы – отпугивая одних и привлекая других. Фибулы типа 1 являлись повседневными застежками, в которых, однако, фиксируются распространенные орнаментальные мотивы предшествующих эпох, а именно – спиральные завитки-волюты.

Наконец отметим, что ограниченность ареала распространения первых двух типов фибул зоной Северо-Восточного Кавказа позволяет видеть в них продукцию местных мастеров, предназначенную для регионального рынка и являющуюся неизменной частью северо-восточно-кавказского костюма на протяжении нескольких сот лет.

ЛИТЕРАТУРА

1. Смирнов К.Ф. Грунтовые могильники албано-сарматского времени у сел. Карабудахкент // *Материалы по археологии Дагестана*. Т. II. Махачкала, 1961. С. 189; Абрамова П.М. Буйнакский курган // *Древние и средневековые археологические памятники Дагестана*. Махачкала, 1980. С. 118; Давудов О.М. Материальная культура Дагестана албанского времени. Махачкала, 1996. С. 145; Багаев М.Х. Культура горной Чечни и Дагестана в древности и средневековье. М., 2008. С. 152.
2. Маммаев М.М. Зооморфные пряжки Урцекского могильника // *Сов. археология*. 1970. № 4. С. 219.
3. Смирнов К.Ф. Грунтовые могильники... С. 189.
4. Багаев М.Х. Культура горной Чечни и Дагестана... С. 198, 202.
5. Котович В.Г., Абакаров А.И., М.Г. Магомедов, Маммаев М.М. Отчет о работе приморской археологической экспедиции в 1963 г. Махачкала, 1963 // *Рукоп. фонд ИИАЭ ДНЦ РАН*. Ф. 27. Оп. 1. Д. 49. С. 56.
6. Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982. С. 179. Табл. LV, 1–10.
7. Воронина Р.Ф., Зеленцова О.В., Энговатова А.В. Никитинский могильник: публикация материалов раскопок 1977–1978 гг. М., 2005. С. 38.
8. *Археология СССР. Древняя Русь. Быт и культура*. М., 1997. Табл. 56, 21–26.
9. Котович В.Г. Отчет о работе 1-го горного отряда Дагестанской археологической экспедиции в 1967 г. Махачкала, 1968 // *Рукоп. фонд ИИАЭ ДНЦ РАН*. Ф. 27. Оп. 1. Д. 26. С. 56.
10. Гаджиев М.С. Между Европой и Азией: Из истории торговых связей Дагестана в албано-сарматский период. Махачкала, 1997. С. 13.
11. Трубникова Н.В. Городище Соколова гора под Москвой // *Тр. Гос. ист. музея*. Вып. 37. Археологический сборник. М., 1960. С. 79. Рис. 3.
12. Абрамова М.П. Буйнакский курган... С. 113–132.
13. Шилов В.П. Калиновский курганный могильник // *Материалы и исследования по археологии СССР*. № 60. Древности Нижнего Поволжья. М., 1959. С. 353. Рис. 44, 16.
14. Абрамова М.П. Буйнакский курган... С. 118.
15. Голдина Р.Д. Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Т. II. Ижевск, 2003. С. 5. Рис. 3, 5; С. 371, погр. 864, 1.
16. Воронина Р.Ф., Зеленцова О.В., Энговатова А.В. Никитинский могильник... С. 71. Рис. 38.
17. Седов В.В. Корела // *Археология СССР. Финно-угры и балты в эпоху средневековья*. М., 1987. С. 47, 418. Табл. XIV, 4, CXXXVII, 19.
18. Вихляев В.И. Скульгамы из могильников селиксенского и армиевского типов // *Сов. археология*. 1974. № 3. С. 73.
19. Котович В.Г., Абакаров А.И., М.Г. Магомедов, Маммаев М.М. Отчет о работе Приморской археологической экспедиции в 1963 г. С. 55–63.
20. Атаев Д.М. Археологические исследования в горном Дагестане осенью 1962 г. // *Материалы по археологии Дагестана*. Т. III. Махачкала, 1973. С. 56.
21. Давудов Ш.О. Археологические находки из окрестностей с. Алмак // *Вестн. Ин-та истории, археологии и этнографии*. 2006. № 4 (8). С. 59.
22. Пикуль М.И. Эпоха раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1967. С. 138.
23. Магомедов М.Г. Отчет о работе Северо-Дагестанской археологической экспедиции в 1985 г. Махачкала, 1985 // *Рукоп. фонд ИИАЭ ДНЦ РАН*. Ф. 3. Оп. 3. Д. 616. С. 11.

24. *Гаджиев М.С.* Между Европой и Азией... С. 24–30.
25. *Маммаев М.М.* Зооморфные пряжки Урцекского могильника. С. 221.
26. Там же.
27. *Бакушев М.А., Давудов Ш.О.* Сосуды с ручками в виде голов баранов с памятников Прикаспийского Дагестана // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. XXVI Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: тез. докл. Магас, 2010. С. 34.
28. *Дебиров П.М.* История орнамента Дагестана. М., 2001. С. 9.

Поступила в редакцию 02.09.2011 г.

Принята к печати 26.06.2013 г.